

обходимый для того, чтобы обеспечить выживание, предполагал, что условий и возможностей для радикального противостояния традиции было немного.

Социальной задачей молодого женатого мужчины (мужика) было взаимодействие с другими мужиками — чтобы быть признанным старшими (большаками) и в конце концов быть принятым в сход. Сход был коллективным управляющим органом деревни, в него входили главы крестьянских дворов (большаки). Важно представлять природу отношений в этой группе: достигнув возрастного статуса большаков, членами схода становились мужчины, которые выросли в одной ватаге, они хорошо друг друга знали. Их объединяло общее прошлое, в котором были праздники, драки и служба в армии. Они учились ответственности и принятию решений у старших мужчин, своих отцов. В мужских занятиях и в мужской компании — во время лова и охоты, артельных работ и пр. — молодой человек приобретал опыт, который позже использовал, когда становился главой крестьянского двора и участником схода. Мужчины проводили много времени со своими подрастающими сыновьями, вовлекая их в свои занятия: они брали их с собой на рыбалку и охоту, продолжавшиеся много дней, во время которых, помимо специальных навыков, передаваемых «с руки», молодой мужчина приобретал знания, слушая разговоры старших.

Коллективизация и разрушение возрастной социализации мужчин

В дореволюционной деревне большаки отвечали за все — и за поведение членов семьи, и за материальное благосостояние хозяйства — перед властями и общиной. Хозяйство — дом, двор, пашни и покосы, орудия, скотина, транспорт — обеспечивалось их стараниями. «Персонал» (*свои* — семья, ближайшие родственники и иногда, наемные работники) преуспевал и кормился благодаря умелому управлению большака.

Отношения между мужчинами разных поколений значительно изменились с началом советского периода. Советская власть разрушила мужскую возрастную иерархию. «Сильные» большаки, опытные и успешные хозяева (как они именовались советской властью, кулаки или середняки) должны были быть ликвидированы как класс [Документ № 15 2005]. Государство определяло кулака не столько с экономической позиции, сколько с социокультурной; в результате государство «окулачило» деревню, определив каждого, кто сопротивлялся коллективизации (а крестьяне действительно проявили высокую степень

сплоченности в своем сопротивлении) как контрреволюционера и кулака [Viola 1996: 24]. Те, кого местные власти признали кулаками, были с позором изгнаны из своих домов, лишены имущества и отправлены в отдаленные районы страны. В период коллективизации было раскулачено более миллиона крестьянских семейств (от пяти до шести миллионов человек); главы хозяйств были репрессированы (многие из них — расстреляны), их семьи — высланы. Партия возлагала вину за контрреволюционную позицию на мужчин, тогда как женщины, которые сопротивлялись коллективизации, чаще провозглашались жертвами кулаков [Viola 1996: 17—33].

В результате советских преобразований в деревне к началу 1930-х общественный институт схода был полностью разрушен. Крестьянский сход был замещен колхозной системой управления, которая контролировала коллективизированные хозяйства, и сельским советом, в территориальную юрисдикцию которого попадала деревня (см. [Решения партии и правительства 1967; Голембо и др. 1949; Органы советской государственной власти 1982; Ивницкий 1972; Коржихина 1986; Viola 1987: 224]). До коллективизации в выборное руководство сельских советов часто входили люди беспартийные [Viola 1987: 224]. Кадры, проводившие коллективизацию, напротив, были партийцами с опытом Гражданской войны; их «силовой», в манере «диктатуры пролетариата», стиль руководства во время коллективизации оказал значительное влияние на культуру деревни в последующие годы [Там же: 27—78]. На их мировоззрение и методы управления повлиял опыт насилия, приобретенный во время Гражданской войны и красного террора, и партийная подготовка. В работе по коллективизации они, вместо ранее избранных, принудительно вводили в деревенские советы представителей так называемой «крестьянской бедноты»: безземельных крестьян, наемных работников и пр. [The War Against the Peasantry 2005: 231]. Тем не менее во многих случаях крестьяне сопротивлялись коллективизации; происходило это и как прямое нападение на представителей власти на местах (убийство и поджог), и как опосредованное (саботаж, уничтожение своего подлежащего обобществлению имущества, уход из деревни, забой скота).

Статистика, дающая сведения о социальном статусе деревенских представителей власти конца 1920-х — начала 1930-х годов, отсутствует. Однако истории, рассказанные нам нашими информантами, свидетельствуют о том, что те, кто проводили коллективизацию, не были успешными большевиками и не прошли тот жизненный сценарий, который предполагался для мужчин-крестьян. Они были призваны на Первую мировую войну парнями и молодыми мужиками, еще не ставшими главами крестьянских дворов. Вернувшись в деревню, они

действовали в интересах советской власти, а не в интересах векового хозяйства своего рода¹.

Как мы можем судить по рассказам наших информантов, революция в русской деревне в значительной степени представляла собой конфликт мужских поколений. Столкнуть молодых со старшими было приоритетной задачей режима, что становится очевидным из разницы в обращении с главами хозяйств и их семьями: большеakov расстреливали или отправляли в тюрьму, семьи же высылали, и они могли впоследствии вернуться. Семьи молодых мужчин, бывших солдатами на Гражданской войне или рабочими в промышленности, как правило, не трогали. Также бывали случаи, когда сыновей кулаков не высылали благодаря их активному участию в фабричной или партийной деятельности; иногда эти молодые мужчины ратовали за «реабилитацию» отцов [Hindus 1988: 255—256; Viola 1996: 82, 87]. Другие молодые люди активно участвовали в коллективизации и выступали против своих семей. Так, например, в прессе 1930 года широкую известность получило опубликованное в газете «Красный воин» (1930, 13 февраля) письмо красноармейца Воронова, написанное им в ответ на письмо отца о том, что «последний хлеб отбирают, с красноармейской семьей не считаются»: «Хоть ты мне и батька, ни слова твоим подкулацким песням не поверил. Я рад, что тебе дали хороший урок. Продай хлеб, вези излишки — это мое последнее слово» [Чуркин 2006: 27, 33]. Излишки были частью зерна, которое крестьяне были обязаны отдавать советскому правительству; для крестьян это означало принудительный налог. В отношениях с отцом сын принимает сторону города и советской власти.

В целом складывалась ситуация конфликта между поколениями: молодые были склонны принимать новый порядок, в то время как старшие вели себя так гораздо реже. Комсомол активно осуществлял жесткую антирелигиозную пропаганду, целью которой было кардинальное изменение всех устоев деревни [Viola 1996: 50]. Группы «передовой» молодежи могли принимать решения, связанные с раскулачиванием: «Борисоглебские комсомольцы в процессе раскулачивания ликвидировали несколько батрацких хозяйств за то, что дочери хозяев вышли замуж за кулацких сыновей» [Lindner, Nikulin 2004: 83—89]. Комсомольцы (а это — молодые люди), как можно видеть из подобных свидетельств, принимают решение о репрессии «хозяев» — большеakov. Известен случай, когда «кулацкие элементы» подожгли дом комсомольца, который донес на них. Прежде чем это

¹ См., напр., биографию А. В. Леонтьевича из деревни Вторая Малиновка, Селезневский сельсовет. (История села Селезни: сайт. URL: http://selezni.tamb.ru/sov_vlast.htm)

сделать, мужчины ходили и жаловались, что какой-то мальчишка захватил управление деревней и лишил прав уважаемых крестьян [Viola 1996: 123].

Многие родители осуждали те методы, посредством которых комсомол учил их детей независимости и свободе от родительского авторитета. Некоторые возлагали вину за расцвет «хулиганства» на коммунистов. В целом в деревенской культуре того времени отмечался нравственный упадок, отмеченный ростом промискуитета, распространением венерических заболеваний, проституции и хулиганского поведения среди молодежи [Там же: 51].

Коллективизация уничтожила крестьянское семейное хозяйство как основную производительную единицу, хотя оно по-прежнему оставалось важным источником идентичности для крестьян [Viola 1987: 178]. Тем самым коллективизация разрушила систему переходных ритуалов, которые обеспечивали мужчине постепенное вхождение во все большую степень ответственности. Такими ритуалами были проводы в армию, женитьба, принятие в мужскую артель (например, рыболовную), выход на большую и участие в сходе. Уничтожение локальных социально-экономических форм (производственных артелей, ярмарок, крестьянских кредитных обществ, приходских советов и пр.), которые играли столь важную роль в мужской крестьянской культуре, привело к глубоким переменам в жизни деревни. Крестьянам теперь приходилось получать многие товары и услуги из центра, и это делало их более зависимыми от государства [Viola 1996: 41].

Мы считаем, что в результате этих перемен возрастная социализация мужчин, рожденных в советское время, остановилась на стадии *мужика*. В сохранившиеся мужские переходные ритуалы входили участие в *ватаге*, призыв в армию и свадьба. Таким образом, к советским поколениям успешно перешли модели поведения, свойственные парням; в результате, нормой поведения для взрослого мужчины стала ориентация на ценности коллектива (в ущерб интересам семьи), ответственность перед своей группой, риск и агрессия (см. [Ильин 2010; Кон 2002; Мужской сборник 2001; Мужской сборник 2007]). Общественные институты возрастной социализации проваливались на стадии *большины*: мужчины уходили на фронт и погибали, отправлялись «на великие стройки страны», осваивали целинные земли, отбывали сроки в лагерях и тюрьмах и т.д. Оценивающей инстанцией для мужчины стали не старшие мужики деревни, но советская власть в лице ее представителей «на местах»; условием социального роста стало движение по партийной лестнице: пионерия, комсомол, партия. Структура мужских отношений приняла форму «мужского союза», похожего на ватагу, где ценность коллектива выше ценностей семьи, и тем более — ценностей индивидуальных.

В любом случае для нового советского народного хозяйства, успехи которого измерялись валовыми показателями, крестьянский двор как единица производства и собственности перестал существовать. Была лишь безграничная государственная собственность, к которой были разные уровни доступа и разные уровни ответственности за «народное добро».

Сбой в мужской возрастной социализации, произошедший в Советской России, с особой силой проявился в послевоенных поколениях. Возрастной кризис середины жизни в крестьянской традиционной культуре разрешался изменением социального статуса: мужчина становился хозяином, большаком. Поведенческие ограничения, сопровождавшие каждый из возрастных переходов, традиция восполняла статусным ростом: утрачивая часть своей свободы, человек приобретал во власти и авторитете. Социальные институты, которые поддерживали переход мужчины от одного возрастного сценария к другому, к концу XX века в сельской России оказались в значительной степени разрушенными.

Традиционная социализация женщин

Система женской социализации также изменилась в советское время, но иначе, чем мужская. Мы опишем систему женских возрастных статусов, которая существовала до начала 1930-х годов, и затем рассмотрим произошедшие в советское время изменения.

Женские возрастные статусы отмечались внешними маркерами: одеждой, прической. До пяти-шести лет детей обоих полов одевали одинаково — в рубахи; по достижении этого возраста девочки носили платья, мальчики — штаны. Первый «праздничный» наряд для девочки шился к тринадцати-пятнадцати годам, в то же время она получала свою первую собственную выходную пару обуви. Эту одежду в первый раз следовало надевать в церковь; после этого она носилась по праздникам. До замужества девушки заплетали волосы в одну косу, тогда как замужние женщины закручивали волосы в пучок, в две косы или зачесывали их под гребенку. Незамужние женщины продолжали ходить с одной косой: старых дев называли *сивокосыми* [Адоньева, Бажкова 1998: 208].

Девочек учили женским работам с раннего возраста. С семи лет они выполняли обязанности няnek для маленьких детей, между десятью и двенадцатью годами отправлялись на работу в поле вместе со своими родителями: косили, сгребали и скирдовали сено. В этом возрасте их учили готовить, но только большуха выполняла основную работу по приготовлению еды и разводила огонь в печи — девочки

могли только помогать ей. К семи годам старшие женщины (матери или бабушки) учили их прясть. С тринадцати-пятнадцати лет мать учила их ткать (*сновать*). Часто навыки ткачества женщины приобретали не от матери, а только после замужества, в доме мужа. Кросна находились в ведении свекрови, которая могла заново учить невестку ткать.

В Вологодской области нам рассказывали о ритуале «первой нити». Когда девочка училась прясть, первый клубок, спряденный из самой грубой кудели, бросали в печь — обычно это делала бабушка. Пока клубок не сторал дотла, девочка должна была сидеть на снегу «голым задом». Чем тоньше и лучше была нить, тем быстрее она горела и тем меньше приходилось сидеть в снегу [Адоньева, Бажкова 1998: 205].

Когда приходило время вступления в брак, как правило, девушка уже умела шить, вышивать, ткать, готовить и выполнять другие домашние работы. Тем не менее в доме мужа после свадьбы ее обязанности ограничивались тем, что определяла свекровь. Готовность подчиниться воле свекрови — какой бы она ни была, злой или доброй — вменялась будущей невестке в акте ритуала, по которому на второй день свадьбы молодая жена должна была мести пол, спросив предварительно у свекрови о том, как это нужно делать, и одарив ее платком «за науку». Другие аспекты свадебного ритуала также учили будущую невестку готовности выполнять требования свекрови. Так, по рассказам о свадебном обряде, записанным нами в Вологодской области, невесту «учили» причитать старшие родственницы в период, когда девушка была *сговоренкой*, т.е. после сватовства и до венчания. Старшая женщина *заводила* причет, а невеста подхватывала. Это причитание, исполненное женщиной 1907 года рождения, описывает поведение, которое предписывалось молодке. Оно должно было подготовить невесту к ее новой роли:

*Как лихая-то свекровушка
Поутру да станет тихонько,
Поутру станет ранехонько,
Она ходит да всё настукивает,
Как говорит да вся нарыкивает:
Ты вставай-ка, сноха заспяшиша,
Ты вставай-ка да задремяшиша,
Дак во чистом-то польище,
Во широком во раздольище,
Во лугах ли да пастухи пасут,
Во лугах ли да косцы косцят,
На горушках да пахари пашут.*

*Уж и я-то, да сиротиночка,
Я раным да встала ранешенько,
Я умылась да небелёшенько,
Как уже я вышла-то в чисто польюшко,
Посмотрела да сиротиночка,
Во все четыре да сторонюшки:
Во полях ли да пастухов нет,
Во лугах ли да косцов нет,
На горушках пахарей нет.* (д. Захарьино, Кирилловский район,
Вологодская область, июль 1993 г. Kir2-13).

В причитании, которое невеста обращала к своей матери, представлен сценарий, ожидающий невесту в ее новом доме: у родителей ей разрешили поспать подольше — заботились и любили («что у батюшки-то воля, что у матушки-то нега»); в доме свекрови ее будят так рано, когда еще никто не принялся за работу. Более того, свекровь обманывает ее, укоряя ее в том, что она проспала. Причитание готовит невесту к одиночеству и враждебности, которые она будет переживать в будущем; кроме того, оно предполагает определенную эмоциональную норму: замужняя дочь скучает по матери.

Для того чтобы сформировать новые статусные отношения, использовались и другие приемы. Дочерей и внушек учили магическим действиям, которые помогли им удерживать эмоциональный контроль над ситуацией:

Это мода была, от венца поедешь, дак-от с женихом не разговаривай. Если первая заговорила, так и будет он командовать. Это вот еще бабушка была, меня учила дак. Заходит на порог-то и говорит (невеста после венца): «Я ступаю на порог, заступаю свекра, заступаю на другой — свекра и свекровку». Три порога-то, а на последнем: «Деверя и золовку, всех заступаю». (Женщина 1903 г.р., д. Савино, Белозерский район, Вологодская область, июль 1996 г. ФА, Bel2-43).

Женщина сообщает о заговоре, которому ее обучила бабушка: этот свадебный заговор обнаруживает предусмотренное традицией желание молодой женщины доминировать. Сочетание слов, действий и намерения должно воздействовать на тот символический мир, который выражен пограничным временем и пространством: первым шагом молодой на порог дома мужа. «Заступая» свекра, свекровку, деверя и золовку, невеста объявляет свою власть над ними.

Еще один ритуальный свадебный акт обеспечивал символическое принятие молодой в дом мужа. В другой деревне того же Белозерского района Вологодской области на второй день свадьбы, утром свекровь

вела невестку на двор *закармливать* скотину: она набрасывала свой платок на плечи невестки (поскольку считается, что скотина не принимает посторонних). Невестка должна была заранее приготовить дар, который она пекла еще в доме у своих родителей. Обычно это был *колоб* (булка из пресного теста). В присутствии свекрови невеста разламывала колоб на куски и закармливала этими кусочками скотину: так свекровь «вводила» молодую во двор [Адоньева 1998а: 231—249].

Пока свекровь была на большинстве, она варила, пекла, готовила и присматривала за детьми. Молодка работала в поле, стирала и убирала дом: «свекровь за столом, невестка — за двором». Пока свекровь на большинстве — «ничего не тронь, только работай». Пока она была в силах, никому больше не позволялось растапливать печь или готовить, но когда свекровь уже переставала справляться с этими работами, она «сдавала большинство»: передавала свои обязанности младшей женщине, и та занимала ее место. В Вологодской области большинство обычно передавали на Покров, 14 октября. Свекровь и невестка пекли рыбник (пирог, в который рыба запекалась целиком; рыбник был обязательным блюдом свадебной и поминальной трапезы). Женщины замешивали тесто в четыре руки (обычно тестом занимается только большуха), и после этого все хозяйство переходило к невестке. Свекровь же сама еду уже не подавала, садилась за стол и ждала, когда накроют [Адоньева, Бажкова 1998: 207—209].

Важной особенностью женского традиционного знания и обязанностей было то, что они передавались только тогда, когда женщина достигала соответствующего социально-возрастного статуса. В похоронных церемониях (приготовлении поминального стола, омовении покойника) обычно не участвовали девушки и молодки. Как правило, знахарками, причетницами и свахами были старшие женщины — большухи и передавшие большинство старухи.

Как нам говорили, если женщины не выходили замуж к 25—30 годам, то они редко находили себе мужа, их считали *старыми девами* (ж., 1928 г.р., Сямженский район, Вологодская область, 27 августа 2006 г., Siam 1-6). Женщины, которые по какой-то причине не прошли через заданные традицией статусы, находили себе особые социальные роли, предполагавшие владение определенными знаниями. В интервью женщина 1938 года рождения рассказывает нам о своей тетке 1904 года рождения, которая никогда не была замужем, но была для нее «как мать», помогала ей в родах и заботилась о ее детях.

— А она была не замужем?

— Она замужем не была, старая дева.

— А почему так получилось?

— А потому, что война была, на ее обеспечении остались мал-мала...

— Родителей не было?

— Отец умер рано, с сердцем, мать потом безногая была, вот она всё... Так и не вышла. За вдовца не пошла, отец не разрешил, что «не ходи». А так, видно, не пришлось. Ну, бывает, ведь и теперь есть не выходят, не понравится, да всё. (д. Захаровская, Сямженский район, Вологодская область, 13 августа 2006 года, ПА, Siam D-Txt1-62)

История этой старой девы — история компромисса: несмотря на то что неписанные правила предполагают, что магия ухода за детьми — компетенция матерей и большух, женщина научилась им до срока, когда была девушкой, поскольку ее мать была инвалидом и не могла делать многое из того, что нужно было для ухода за ее младшими детьми.

Как правило, магическое знание передавалось на этапах изменения статуса. Девушки мало знали о магической практике, их знание ограничивалось мантикой. Молодух учили, как ухаживать за ребенком, в том числе — как защищаться от сглаза и порчи, но лечебную магию и родильные обряды практиковали большухи и старухи (мы подробно рассмотрим этот вопрос в главе 7). Обычно функции повитухи выполняли рожавшие женщины, уже вышедшие из фертильного возраста [Кабакова 2001]. Повитуха должна была быть опытной женщиной, ее ритуальная задача в момент родов заключалась в получении души из иного мира и правильном устройении ее в мире живых. Поэтому событие родов всегда было сокровенным: в течение шести недель после родов повитуха жила с молодой матерью и младенцем или, во всяком случае, присматривала за ними.

Интервью с женщиной 1924 года рождения прояснило для нас иерархию женских возрастных статусов по отношению к рождению детей и материнству.

— Я сама, одна рожала. Ведь сказать, дак ведь засмеетесь, как рожала! Вот старшую дочь рожала в хлеве, вот скотину-то застают, хлев, знаешь, еще новые были, построили все эти вот, перебирали весь дом полностью, как я вышла. Там пол был настлан, и все, чисто, и не заметила, легла на печь в той избе, вот...

— Как не заметили? Как рожали не заметили?

— Вот, легла спать, пришла с работы, дояркой всю жизнь была, дак убегаешься, сами пасли, сами все делали, все сами на фермах. Пришла домой, поужинали, там на печку залезла, вдруг по животу резну-

ло, я соскочила с печи-то, тут у нас такой примост был, допчином называли, вот, схватила, не знаю и чего, не знаю, простыню, не знаю и чего, — да в хлев. Думаю: «По ветру надо, или как ли?» Не знаю, еще первая дак.

— Так это первый ребенок был?

— Да.

— То есть первого ребенка одна рожала?

— Одна. Пришла в хлев, постлала простынь, на коленочки встала — и родился, девка поет у меня. А мужик не спит, я говорю: «Ты не усыпай, я не знаю, чего у меня получится». Сама-то уж это предполагала, уж время-то подходило. Пришел, а чего, уж родила, дак родилась. В избу он меня увел, я в подол робеночка положила, рубаху загнула, да его в подол, да и пошли туда, по лестнице поднялись, вошли в избу. «Чего, — говорит, — будем делать? Ничего не понимаем». А бабка спит, свекровка, молодая еще была, еще пятьдесят два года было бабке. Я говорю: «Иди по бабушку». Вот тут рядом была, старенькая жила. Я говорю: «Она ходит по родам-то, дак сбегай пойди». Он быстро вернулся, в окошко ей поколотил. «Иду, иду, иду!» Пришла, пупок отстригла, всё сделала по-настоящему, все, коек-то ведь не было раньше, на полу спали, ну, принес скамью, да на лавку сделали там, вот эта лавка была все. Вот, все, все прошло нормально. Она мне дала хлебушка поесть, ломоть хлеба отрезала, раньше эдакие круглые каравайки, большие пекли, отрезала ломоть и говорит, посолила этот ломоть и говорит: «Ешь. Три раза укуси». Я три раза укусила, прожевала, у меня послед сразу и вышел.

— Это такой способ?

— Она знала, много она знала. Вот она, видно, сходила туда к печи, наверное, поладила чего-то, я этого хлебушка покусала, и ни боли, ничего, ничего у меня не было, как будто я и не родила. А ребенок родился три восемьсот.

— Она его мыла сразу?

— Нет, она завернула его, потому что уж, этот, и говорит: «Надо воды нагреть». А ведь раньше не было ни газу, ничего, вот, говорит: «Вечером намоем ребенка, сейчас, — говорит, — не станем. Он пусть, — говорит, — на печке погрееется». И все. Бабка встала, моя свекровка, печку затопила, дров немного положила, там погрела. Она с обеда пришла, пришла, сама залезла в печь, его там намыла, ведь раньше в печах мылись.

— В этой?

— Да, вот в этой печи, там. Все в печах мылись, ведь баней не было. Так было, так и напаришься венником, вон березовым, дак вся болезнь уйдет, никогда не болели люди.

— Мне даже непонятно, как в нее вползти, как-то ползком нужно залезать в печку, да?

— Да, ведь у нас устье-то большое, дак это туда. Еще когда печь новую, печи клали, дак всё говорят: «Ложите, чтобы головой не достать до верху, вот такие высокие печки. Вот так и рожала. (д. Пирогово, Сямженский район, Вологодская область, 9 июля 2005 г.)

Из этой истории ясно, что свекровь не могла помогать в родах невестки, потому что была еще «молодая», пятидесяти двух лет. Они приглашают более старую и знающую женщину. Как правило, старухи, которые умели помогать в родах (повитухи), были хорошо известны в деревне:

В деревне есть женщина (бабка), которая умеет принимать роды. Про нее все знают, что она умеет. Обычно это уже старая женщина, молодые не умеют. Молодым не передавали умение. Только уж когда совсем старая становилась, помирать собиралась, тогда уж передавала или невестке своей, или дочке. Чужим не передавали, только по родне. А бывало, скоропостижно умрут, тогда ничего не передают. (Женщина, 1926 г.р., д. Надково, Белозерский район, Вологодская область, 19 июля 1994 г., Бел10-10).

Женщина, которая помогала в родах, также заговаривала младенца от грыжи: «Ребенка от грыжи заговаривали в бане. Мать держала его на руках, а бабушка заговаривала. Для этого специально приглашают бабушку, так как не каждая мать умеет заговаривать» [Адоньева, Бажкова 1998: 209].

Старшие женщины, старухи, исполняли и другую важную роль в деревне. Девушки в зимнее время собирались на беседы в доме одиноко живущей женщины, вдовы или старой девы. Они арендовали ее избу, расплачиваясь дровами и едой. На Святки было принято гадать. Хозяйка благословляла блюдо, которое использовалось в гадании, и проводила само гадание. Девушки складывали свои кольца на блюдо, которое затем покрывалось тканью; когда все пели подблюдную песню, в которой метафорически описывались разные варианты судьбы (за кого выйдет замуж, богато будет жить или бедно и т.п.), старуха встряхивала блюдо и вытаскивала по одному кольца; считалось, что его владельцу суждено то, о чем в этот момент пелось в песне. Хозяйка выполняла роль посредника между миром людей и иным миром, из которого и поступает информация о будущем: возможно, благодаря своей близости иному миру [Мадлевская], возможно, благодаря очевидному отсутствию потребности в судьбе, связанной с замужеством и деторождением.

Итак, старухи следили за соблюдением обычаев и ритуалов; они руководили и направляли действия младших поколений и таким образом передавали традицию. Часто наши собеседницы ссылались на своих бабушек («я это от бабушки слышала») или деревенских старух, которые знали «как надо».

Похоронным обрядом и в прошлом, и в настоящем ведают большухи и старухи. На последних — ответственность за омовение тела покойного, поскольку, согласно распространенному поверью, женщина фертильного возраста — «плодная» — не должна прикасаться к мертвому телу. Большухи начинали активно участвовать в проведении поминального или похоронного ритуала, после того как пережили опыт утраты близкого (см. главу 9).

В некоторых местностях переход от статуса большухи к статусу старухи маркировался видимыми знаками: женщины шили себе особый головной убор — шапочку из тонкой ткани, которая покрывала всю голову, и носилась под платком. В целом традиционная одежда старших женщин была темнее по цвету и имела меньше украшений, нежели наряд младших женщин [Прокопьева 2005: 636].

Так же как парни одного поколения оставались «парнями» друг для друга, женщины одного поколения (одной беседы) — оставались друг для друга «девчатами». Но отношения между достигшими статуса хозяек «девчатами» существенно отличались от мужских, были конкурентными: «топоры вместе, а грабли — врозь»¹ говорит пословица о мужских и женских отношениях в деревне.

Женщина накапливала свой социальный капитал в семье мужа. Оценивающей группой женщины был ее «род», которым для нее была не ее родная семья, а та семья, в которую она вошла, выйдя замуж. Так, например, во многих интервью деревенские женщины, отвечая на вопрос о своей семье и роде, принимались рассказывать о предках мужа, а не о собственных.

Судя по рассказам наших собеседниц, если деревенская женщина разводилась или ее муж умирал, она редко возвращалась в родительский дом². Это правило, которое кажется таким странным городским жителям, сохранялось очень долго: женщины 1930—1960 годов рождения говорили нам, что вернуться после замужества в родительский

¹ О соперничестве между женщинами см. [Кабакова 2001].

² Одна из наших собеседниц, описывая свадьбу, заметила: «раньше говорили, замуж вышла: «Дам о колокола, бей хоть о угола... и косы не расплетешь, взад не отведешь»» (женщина, 1923 г.р., с. Покровское, Вашкинский район, Вологодская область, 14 июля 1998 г., ФА, Vash1-2). Другая женщина рассказала нам, что ее бабушка пыталась вернуться, но родители велели ей отправляться обратно в семью мужа (женщина, 1980 г.р., д. Азаполье, Мезенский район, Архангельская область, 16 июля 2008 г., ФА, Mez1-147).

дом было невозможно. Тем не менее из некоторых рассказанных нам жизненных историй следовало, что иногда женщины все же возвращались в дом родителей (см. главу 3); однако было ясно, что такой случай расказчицы рассматривали как исключение из правил.

Роль большухи в крестьянском хозяйстве была исключительно значима. Однако по сравнению с другими возрастными статусами, которые привлекали внимание этнографов и фольклористов, исследующих русскую деревню, социальный институт женской большины не был достаточно хорошо описан. Поэтому мы уделим ему особое внимание. По сути, именно большухи — героини нашей книги, поскольку именно с ними мы общались и проводили большую часть «полевого» времени.

Большуха

Значительная часть крестьянского хозяйства (огород, одежда и все, что связано с ее изготовлением, заготовка продуктов) находится под контролем большухи. Ей подчиняются все женщины семьи, дети и неженатые молодые мужчины (парни). В компетенцию большух входили контроль за поведением всех членов крестьянского сообщества; формирование общественного мнения и его публичное оглашение; проведение всех семейных ритуалов: календарных праздников с обязательными для них гостями, поминок, свадеб, проводов в армию; на их попечении — дом, скот и дети (и собственные, и дети сыновей — внуки). Хозяйственную состоятельность большухи оценивал большак. Критерии оценки — благополучие семьи и скота, в том числе и защита от магических чар «завидующих». Компетентность большухи проявлялась в мире между членами семьи, рациональной организации повседневной жизни и эффективном использовании пищевых ресурсов. Роль главной женщины в доме принадлежит свекрови: для наших собеседниц первого и второго поколения (т. е. женщин, рожденных между 1899 и 1930 годами — см. ниже) ее власть была неоспоримой: авторитет большухи ставится под вопрос лишь в третьем из описываемых нами женских поколений.

Тема женской большины как особого социовозрастного статуса возникла, как часто бывает, из непонимания¹. В 1995 году мы остановились в одном гостеприимном деревенском доме в Белозерском районе Вологодской области. Желая сделать приятное хозяевам, мы привезли с собой продукты из города. Я (СА) зашла в закут (пространство за печью), чтобы помочь приготовить что-нибудь вкусное

¹ Записи из полевого дневника (СА).